

ЦАРСКИЙ ТИТУЛ

Василий III велел боярам, как было отмечено выше, «беречь» сына до 15 лет, после чего должно было начаться его самостоятельное правление. 15 лет — пора совершеннолетия в жизни людей XVI столетия. В этом возрасте дворянские дети поступали «новиками» на военную службу, а дети знати получали низшие придворные должности. Василий III возлагал надежды на то, что назначенные им опекуны приобщат наследника к делам управления. Но опекуны сошли со сцены, не исполнив главного порученного им дела. В 15 лет Иван IV оказался неподготовленным к роли правителя державы.

Едва монарх достиг совершеннолетия, участились столкновения его с думой. Иван предпринимал энергичные попытки избавиться от боярской опеки в полном соответствии с завещанием отца.

Осенью 1545 г. государь велел урезать язык Афанасию Бутурлину «за его вину, за невежливые слова». Дума выразила неудовольствие. В ответ князь наложил опалу на бояр «за их неправду, на князя Ивана Кубенского и на князя Петра, на Шуйского, и на князя Александра Горбатого, и на Федора на Воронцова, и на князя на Дмитрея Палецкого».

В тот период Кубенский фактически возглавлял думу. Он был не только дворецким, но и близким родственником Ивана IV. Его мать была сестрой Василия III. Курбский так характеризовал боярина: «Муж зело разумный и тихий, в совершенных уже летех».

Фактически великий князь объявил опалу всему руководству Боярской думы. В конце концов конфликт был улажен благодаря вмешательству митрополита Макария. В декабре опала с бояр была снята.

В 1546 г. дума просила государя возглавить поход на южную границу Руси. Прибыв в Коломну, он расположился лагерем со «своим полком» под Голутвеным монастырем. На границу были вызваны новгородские пищальники (стрельцы). Истошив свои припасы и испытывая нужду в продовольствии, они решили просить помощь у государя. Толпа из пятидесяти пищальников подстерегла Ивана за стенами Коломны. Но князь не пожелал выслушать их челобитье, так как покинул лагерь, чтобы «на прохлад поездити потешиться». Челобитчики явились некстати, и царь велел свите прогнать их. Люди своенравные, новгородцы не подумали подчиниться приказу государя. Они оказали сопротивление придворным: начали «бити колпаки и грязью шибати». Дворяне пустили в ход сабли и стали стрелять из луков. Пищальники бросились бежать к посаду. Укрывшись за стенами, они открыли огонь из ружей. С обеих сторон было убито не менее десятка человек.

Достаточно было милостивого слова — простого обещания, чтобы спровадить жалобщиков с дороги. Но Иван еще не научился говорить с народом. В результате ему пришлось пробираться к своему стану в Коломне «иными местами», обходным путем.

На границе все было спокойно. Враг не появлялся, и государь предался потехам — «пашню пахал вешнюю и з бояры сеял гречиху и инны потехи, на ходулях ходил и в саван наряжался». Пока игры носили невинный характер, бояре скрепя сердце участвовали в них. В окрестных деревнях крестьяне приступили к пахоте, и государю с боярами нетрудно было заполучить лошадей и сошки. Если понимать летописную заметку буквально, на ходулях Иван ходил один. Старым боярам такая потеха была не к лицу. Что касается игрищ с саваном и покойником, они не могли вызвать у бояр ничего, кроме раздражения и гнева. Игра в похороны была, по существу, богохульным развлечением. Мнимого покойника обряжали в саван, укладывали в гроб и ставили посреди избы. Заупокойную молитву заменяла отборная брань. Под конец собранных на отпевание девок насильно заставляли целовать «покойника» в уста. Старые бояре не могли стерпеть такого бесчинства.

Уповая на родство, Кубенский пытался урезонить племянника. Тогда тот «с великие ярости» приказал схватить его вместе с боярами Федором Воронцовым и Иваном Воронцовым, сыном опекуна Михаила Воронцова. Всем им Иван велел отсечь головы «у своего стану перед своими шатры».

Вместе с Кубенским аресту подвергся боярин конюший Иван Петрович Федоров-Челяднин. Федоров спас голову ценой унижения. Все было готово для казни. Конюшого «в те же поры ободрана нага держали» перед шатром, но он «против государя встреч не говорил, а во всем ся виноват чинил».

Конюший был отправлен в ссылку. Но этим дело не ограничилось. Вскоре же Иван IV приказал убить двух своих сверстников, принадлежавших к знатнейшим фамилиям. В свое время фаворит Елены Глинской Иван Овчина жестоко расправился с опекуном Михаилом Львовичем Глинским. Месть об-

рушилась на голову его сына. Федора Овчинина предали мучительной казни — посадили на кол. Брата Овчинина, князя Ивана Дорогобужского, обезглавили на льду Москвы-реки.

Кровавая расправа со сверстниками не была следствием мальчишеской ссоры. Современники засвидетельствовали, что их убили по повелению Михаила Глинского и матери его — княгини Анны. Глинские точно рассчитали удар. Они отняли у конюшего Федорова-Челяднина не только все его титулы, но и единственного наследника — пасынка князя Дорогобужского.

Прощение Федорова доказывало, что у великого князя не было никаких серьезных причин для расправы с боярским руководством. Дума не желала выпустать из своих рук бразды правления. Передача властных полномочий безответственному и жестокому подростку грозила большими бедами для государства.

Столкновение из-за мелких и случайных обстоятельств имело в действительности принципиальное значение.

Монарх не имел права казнить бояр без подлинного сыска и суда Боярской думы. Иван грубо нарушил традицию. Много позже он попытался оправдать свои злодеяния и пытался сослаться на «мятеж» новгородских пищальников. Выходило так, будто новгородцев подтолкнул к бунту Федор Воронцов, которого Иван приблизил после убийства Андрея Шуйского. Казнь Воронцова монарх объяснял его неблагодарностью: «Кого государь пожалует без Федорова ведома, и Федору досадно». Досаду прежнего любимца вызывало, очевидно, возвышение Глинских.

Первоначально летописец, не имея возможности обличить истинных виновников жестоких казней, возложил всю ответственность на дьявола. «По диаволу действу» дьяк Василий Захаров оклеветал бояр «ложными словесы», а Иван просто душно поверил ему. Самого Ивана эта версия не удовлетворила, и он сделал приписку на полях летописи с изложением нелепой истории о московских боярах, подстрекавших новгородцев к мятежу.

Инициаторами репрессий были, конечно же, влиятельные лица, стоявшие за спиной подростка. Совершеннолетием Ивана пытались воспользоваться его родня по матери Глинские. Они давно ждали своего часа. Предметом их воцелений были высшие думные титулы. Именно поэтому они добились ареста Федорова.

Правление Ивана началось неладно. Пролилось много крови. Необходимо было исправить впечатление и упрочить авторитет монарха. При таких обстоятельствах в окружении государя возникли планы его коронации царским венцом. Митрополит Макарий, а также и Глинские энергично поддержали эти планы.

Глинские были людьми, которых Курбский метко назвал «ласкателями». Стараясь упрочить свое влияние на мальчика, они потакали ему во всем.

В декабре 1546 г. Иван явился во Псков в сопровождении Михаила Глинского. Он «все гонял на ямских»: ночь ночевал в Пскове, ночь — на Вороначе, ночь — в Псково-Печерском монастыре. Псковичам было от того «много протор и волокит». Монарх спешил, чтобы не опоздать на собственную коронацию в Москве. Жители тщетно надеялись на то, что великий князь даст им управу на воеводу князя Ивана Турунтая Пронского. Государь умчался из Пскова, «не управив своей вотчины ничего». Тогда псковичи выбрали 70 человек и отправили их со своими жалобами в Москву. Посланцы застали князя в селе Остров в Подмоскovie. Иван был недоволен тем, что подданные посмели испортить ему отдых. Но главным было не это. Псковичи явились с жалобами на Турунтая Пронского, а этот боярин был ближайшим другом Михаила Глинского. (Через несколько месяцев они вместе попытались бежать в Литву.) Все это решило участь жалобщиков. «Князь великий государь опалился на псковичь, сих бесчестовал, обливаючи вином горячим, палил бороды да свечею зажигал и повеле их покласти нагих на землю». Произошло это в начале июня 1547 г. Спасло псковичей неожиданное обстоятельство. Монарх узнал о страшном пожаре в Москве и помчался в столицу.

Великовозрастный «недоросль» путал управление с забавой. Он был уверен, что всякую жалобу, всякую «встречу» — супротисловие подданных надо карать беспощадным образом.

Совершеннолетие Ивана IV было ознаменовано важным событием. Глава государства принял титул царя.

Люди средневековья представляли мировую политическую систему в виде строгой иерархии. Согласно византийской доктрине, центром вселенной была Византия, воспринявшая наследие Римской империи. Русь познакомилась с византийской доктриной еще при киевских князьях. Помнили ее и в московские времена. В XIV в. московских великих князей титуловали иногда стольниками византийского «царя». Конечно, чин этот лишен был в то время какого бы то ни было политического смысла.

Страшный татарский погром и установление власти Золотой Орды включили Русь в новую для нее политическую систему — империю великих монгольских ханов, владевших половиной мира. Русские князья, получавшие теперь родительский стол из рук золотоордынских ханов, перенесли титул «царя» на татарских владык.

Московские князья давно именовали себя «великими князьями всея Руси», но только Ивану III удалось окончательно сбросить татарское иго и из князя-подручника стать абсолютно самостоятельным сувереном. Когда государь короновал шапкой Мономаха внука Дмитрия и даровал сыну Василию титул великого князя Новгородского, в Москве появилось сразу три великих князя. Чтобы подчеркнуть свое старшинство, Иван III стал именовать себя «самодержцем». Название было простым переводом титула «автохтон», который носил старший из византийских императоров.

Падение Золотой Орды и крушение Византийской империи в 1453 г. положили конец как вполне реальной зависимости Руси от татар, так и старым представлениям русских относительно высшей власти греческих «царей». Ситуация в Восточной Европе претерпела радикальные перемены после того, как вместо слабой, раздробленной, зависевшей от татар Руси

появилось единое Российское государство. Русское политическое сознание отразило происшедшие перемены в новых доктринах, самой известной из которых стала теория «Москва — третий Рим». Согласно этой теории, московские князья выступали прямыми преемниками властителей «второго Рима» — Византийской империи.

Уже дед Грозного именовал себя «царем всея Руси». Правда, он воздержался от официального принятия этого титула, не рассчитывая на то, что соседние государства признают его за ним (Иван III употреблял его только в сношениях с Ливонским орденом и некоторыми немецкими князьями).

О коронации 16-летнего внука Ивана III бояре не сразу известили иностранные государства. Лишь через два года польские послы в Москве узнали, что Иван IV «царем и венчался» по примеру прародителя своего Мономаха и то имя он «не чужое взял». Выслушав это чрезвычайно важное заявление, послы немедленно потребовали представления им письменных доказательств. Но хитроумные бояре отказали, боясь, что поляки, получив письменный ответ, смогут обдумать возражения, и тогда спорить с ними будет тяжело. Отправленные в Польшу гонцы постарались объяснить смысл московских перемен так, чтобы не вызвать неудовольствия польского двора. Ныне, говорили они, землю Русскую владеет государь наш один, потому-то митрополит и венчал его на царство Мономаховым венцом. В глазах москвитов коронация, таким образом, символизировала начало самодержавного правления Ивана на четырнадцатом году его княжения.

Ивана короновали 16 января 1547 г. После торжественного богослужения в Успенском соборе в Кремле митрополит Макарий возложил на его голову шапку Мономаха — символ царской власти. Первые московские князья в своих завещаниях неизменно благословляли наследников «шапкой золотой» — короной своей московской вотчины. Великокняжеская корона в их духовных не фигурировала. Ею распоряжалась всемогущая Орда. Когда Русь покончила с тяжким татарским игом, повелители могущественной державы продолжали украшать

свою голову прадедовской «золотой шапкой», но теперь они именовали ее шапкой Мономаха. Любопытный австриец Герберштейн видел шапку на Василии III. Она была расшита жемчугом и нарядно убрана золотыми бляшками, дрожавшими при любом движении великого князя. Как видно, шапка была скроена по татарскому образцу. Но после падения Орды восточный покрой вышел из моды. По поводу происхождения шапки Мономаха сложена была такая легенда. Когда Мономах совершил победоносный поход на Царьград, его дед император Константин (на самом деле давно умерший) отдал внуку порфиру со своей головы, чтобы купить у него мир. От Мономаха императорские регалии перешли к московским государям.

Официальные летописи изображали дело так, будто 16-летний юноша по собственному почину решил короноваться шапкой Мономаха и принять царский титул. Митрополит и бояре, узнав о намерении государя, заплакали от радости, и все было решено. В действительности инициатива коронации принадлежала не Ивану, а тем людям, которые правили его именем.

Затеяв коронацию, родня царя добилась для себя крупных выгод. Бабка царя Анна с детьми получила обширные земельные владения на правах удельного княжества. Князь Михаил был объявлен ко дню коронации конюшим, а его брат князь Юрий стал боярином.

Едва ли можно согласиться с мнением, что коронация Ивана IV и предшествовавшие ей казни положили конец боярскому правлению. В действительности произошла всего лишь смена боярских группировок у кормила власти. Наступил кратковременный период господства Глинских.

В глазах самого царя перемена титула была важной жизненной вехой. Вспоминая те дни, царь писал, что он сам взялся строить свое царство и «по Божьей милости начало было благим». Увенчанный царским титулом, Иван IV явился перед своими подданными в роли преемника римских кесарей и помазанника Божьего на земле.

Государь недолго тешился блеском без труда приобретенного могущества. Жизнь вскоре преподала ему жестокий урок. Питомец дворцовых теремов плохо знал свой народ. Он видел испуганных людей, когда для потехи топтал лошадьми рыночную толпу, видел радостные лица в торжественные праздники. Но у покоренного народа было и другое лицо. Вскоре царю довелось увидеть и его.